

КРИЗИС И ДУХОВНЫЙ РАСКОЛ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ

Статья посвящена кризису и духовному расколу разночинной интеллигенции. Особое внимание обращается на ее социальное происхождение. Осмысливаются процессы усиления и ослабления влияния разночинцев на развитие духовной культуры российского общества. Отмечается, что в эпохи кризиса и духовного раскола разночинная интеллигенция склоняется к индивидуалистическому идеалу, разочаровывается в своих ранних убеждениях и увлекается поисками новых идеалов познания в области религиозных и мистических интерпретаций мира.

Ключевые слова: разночинная интеллигенция; сословная психология интеллигенции; народники; кризис духовной культуры; духовный раскол; коллективистский и индивидуалистический идеалы; религиозные и мистические интерпретации мира.

**V.S. Tkachev,
E.M. Suranova**

CRISIS AND SPIRITUAL SPLIT WITHIN INTELLECTUALS OF DIFFERENT SOCIAL CATEGORIES IN RUSSIA

The article is devoted to the crisis and spiritual split within intellectuals of different social categories. Special attention is devoted to their social background. The authors conceptualize processes of strengthening and weakening of the intellectuals influence upon the development of the Russian society spiritual culture. In the epoch of crisis and spiritual split intellectuals of different social categories tend to the individualistic ideal, give up hope on their earlier politics and become fascinated by the search of new ideals of perception in the area of clerical and mystical interpretations of the world.

Keywords: intellectuals of different social categories; intelligentsia class psychology; spiritual culture crisis; spiritual split; collectivist and individualist ideals; clerical and mystical interpretations of the world.

В конце 1830-х гг. в интеллектуальной жизни России сформировался новый тип образованного сословия – разночинная интеллигенция.

В 1850–1860-е гг., продолжив традиции дворянской интеллигенции, она превратится в духовного лидера страны. И хотя ее влияние на общественную

жизнь окажется кратковременным, истощение ее идей растянется на продолжительное время – вплоть до середины XX в.

Разночинская интеллигенция происходила из трех сословий России – мещанства, духовенства и разорившегося дворянства.

Положение мещанского сословия было наихудшим. «Сознавая его крайнюю неопределенность, мещане были вынуждены просачиваться в ряды более зажиточных социальных групп. Жизнь научила их быстро оценивать ситуации, ловко к ним приспособливаться и сравнительно легко уходить из-под ударов борющихся сторон. Но беда заключалась в том, что устремления мещан сосредоточивались вокруг удивительно примитивных жизненных целей» [2, с. 244–246; 7, с. 113].

Не лучше было положение и духовенства. «Священников часто вынуждали открывать тайну исповедей, заставляли быть покорными в тематическом выборе проповедей, а в случае недовольства или возмущения духовенства... резко сокращали штаты, требовали замены одних духовных лиц другими, грозили им лишением продовольственных припасов и, наконец, не стесняясь, пороли их как последних крепостных» [7, с. 113].

У мелкопоместного дворянства – третьего источника для формирующейся разночинной интеллигенции – часто не хватало средств даже на содержание имения, тем более на получение их детьми сословного образования и воспитания. Все это и определяло черты сословной психологии разночинной интеллигенции.

Хамелеонство, вынужденное приспособленчество мещанского сословия в выборе мировоззренческих установок не могло не сказаться на готовности его интеллигенции к быстрой смене теоретических воззрений. Изменение ситуации, массовых настроений, литературной и теоретической моды влекло изменение установок интеллигенции. Ее сверхскоростная духовная эволюция не позволяла ни рефлексировать природу и сущность уходящих и приходящих умственных течений, ни задумываться о ближайших нравственных последствиях этой эмансипации. Возникающие каждое десятилетие новые направления мысли принуждали русского интеллигента подчиняться им, как приказу. В 1840-х гг. интеллигент-мещанин, отмечал А.М. Горький, «был идеалистом и с удовольствием слушал сладкие речи славянофилов, в 50-х пошел вслед за Герценом, в 60-х отвернулся от Герцена в сторону Чернышевского, в 70-х им управлял Михайловский и К-о. В 80-е годы его прельстил Толстой, и даже Меньшиков был приятен ему, в 90-х годах он увлекся Марксом, но не мог не смешать его с индивидуалистом Ницше, наконец, в наши дни (речь у писателя идет о начале XX века. – *Авт.*) мы видим, как он молится сразу несколькими богам и – ни в одного не верит» [3, с. 155].

Вторая часть интеллигенции, вышедшая из среды духовных лиц и разорившегося дворянства, мало отличалась от первой.

«Все воспитание несчастных семинаристов, – писал А. Герцен (1812–1870), вспоминая о начале 1850-х гг., – все их понятия были совсем иные, чем у нас». «Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные

книги читались с комментариями, и при всем том я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства. Были робкие молодые люди, уклонявшиеся, отстранявшиеся, – но и те молчали». Семинаристы же, «выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забытые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности», но могли выказывать лишь позу «христианского смирения» [6, с. 209].

Наличие этих особенностей сословной психологии доказывает, что у разночинцев первой половины XIX века отсутствовали черты, формирующие внутреннее достоинство интеллигенции, между тем, именно внутренним достоинством гордились тогда передовые дворяне и о нем мечтали такие представители разночинского сословия, как В. Белинский (1811–1848).

«Это сословие, – писал он с презрением, – всегда училось на железные гроши, а выучившись кланяться и подходить к ручке дам, не разучилось своими благородными руками исполнять неблагородные экзекуции» [1, с. 27; 6, с. 209].

Но так было не всегда.

В конце 1850-х гг. самосознание разночинцев, наконец, сложилось. В их среде «народились вдруг стойкие и упорные характеры, сформировались невероятно сильные, аскетически суровые личности: Н. Чернышевский (1828–1889), Н. Добролюбов (1836–1861), Д. Писарев (1840–1868), П. Ткачев (1844–1886) и др. Они открыто восстали против растущей бесплодности дворянского сословия и, гордые сознанием своего могущества, выработали такую прямоту чувств и мысли, что даже дворянская молодежь, еще недавно пенявшая на них, стала отводить ей роль основной умственной силы тогдашнего общества» [7, с. 116].

В указанный момент к разночинной интеллигенции стала присоединяться прогрессивно настроенная часть образованного дворянства, причем это воссоединение приняло форму достаточно широкого общественного движения: одни из дворян начинали отказываться от сословных привилегий, некоторые из них готовы были даже покаяться перед крестьянством и раздать им свои земли, а другие дворяне обращались к типичной для разночинства трудовой деятельности и круто меняли свои убеждения, как Н. Некрасов (1821–1877/78), М. Бакунин (1814–1876), А. Герцен, Н. Огарев (1813–1877) и многие другие [4, с. 140–141; 5, с. 92–108].

Но такого порыва разночинной интеллигенции хватило только на очень короткое время, до рубежа 1870–1880-х гг., когда она, в противовес прежним устремлениям, стала уверять людей в приверженности совершенно иному идеалу – индивидуалистическому.

Такой поворот произошел, конечно, не сразу.

Из истории известно, что в еще в период с 1850–1870-х гг. разночинцы отстаивали идею крестьянской общины и через это приветствовали идеал коллективистских форм жизни. С указанной точки зрения они смотрели и на роль отдельного человека в истории: человек, добивающийся общественно значимого результата, был для них ориентиром и высшей целью. Но с 1870-х гг. разночинная интеллигенция разочаровалась в крестьянской общине, а вместе с этим ее вкусам перестал удовлетворять идеал коллективистки настроенной личности.

Они говорили следующее. «Чтобы граждане чувствовали себя полноценными людьми, общество должно выдвигать на первый план не коллективные интересы, как таковые, а интересы индивидуума. Только в указанном случае и выиграет общество, станет устойчивым «организмом». Если же этого не произойдет, то в нем возьмут верх начала, превращающие общество в самоцель, а человека с его повседневными заботами – в ничто. Одним словом, произойдет то, отчего социальность потеряет ориентиры своего развития, лишится внутренних опор и быстро погибнет» [7, с. 174].

В соответствии с новым идеалом разночинная интеллигенция коренным образом переформулирует свою политическую платформу и систему нравственных «устоев»: радикальную оппозицию заменит либеральной, а союз интеллигенции с народной массой – идеей отдельного «я».

Если прежде, в 1850–1860-е гг., суть ее нравственной позиции заключалась в укреплении союза интеллигенции с народом, особенно – с крестьянством, то теперь она стала отдавать предпочтение индивидууму, доказывая его исключительную роль в изменении направленности развития исторического процесса.

Однако поиск такой индивидуальности не был успешным. И дело в конце концов закончилось весьма печальной историей: интеллигенция снизила требования к уровню теоретического осмысления действительности, перешла на путь эмпиризма и оказалась очень близкой к описанию повседневной действительности; более того, покорно двигаясь в русле повседневности, она стала кидаться из крайности в крайность – от атеизма к религиозной вере, от материализма к идеализму, от позитивизма к прагматизму и мистицизму.

Все это объяснимо именно тем, что в основание своих убеждений разночинная интеллигенция положила идею всесильного «я», а когда рассуждениями образованного сословия руководит такое «я», оно, как заметил еще Г. Плеханов, «не может допустить, что существует объективная, «разумная», то есть закономерная, связь между этим «я», с одной стороны, и окружающим его внешним миром – с другой. Внешний мир должен представляться ему или совсем нереальным или же реальным только отчасти, только в той мере, в какой его существование опирается на единственную истинную реальность, то есть на наше «я» [6, с. 179].

Хуже всего оказалось то, что переход разночинной интеллигенции на новые позиции совпал с эпохой активного роста капитала в России, на 1880–1890-е гг.

«Когда под влиянием развивающегося капитала в обществе вздыбилась волна золотой лихорадки, и население, деморализованное частным интересом, наскоро хватало все, что попадало под руку, в его рядах оказалась и наша интеллигенция. В ее среде тоже возникло нечто вроде духовного умопомешательства, когда она, нимало не задумавшись о своей нравственной позиции, устремилась за наживой и стала эксплуатировать труд народа не менее хищнически, чем сама буржуазия» [7, с. 160–161].

С этого момента разночинная интеллигенция и перестала быть выразителем духовных чаяний российского общества.

Прочертив трагическую линию в судьбе России, идеология разночинной интеллигенции угасла вместе с порождающими ее общественными условиями. Угасла, чтобы, пройдя фазы кризиса и раскола, уступить место иной интеллигенции – пролетарской, но и эта последняя, только чуть позже, пройдет практически те же фазы развития, что и разночинная, чтобы в очередной раз уступить место еще одной интеллигенции.

Список использованной литературы

1. Белинский В.Г. Собр. соч. В 3 т. Т. 1 : Статьи и рецензии, 1834–1841. – М. : Гослитиздат, 1948. – 800 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / Владимирский-Буданов М.Ф. – Ростов-н/Д : Феникс, 1995. – 640 с.
3. Горький М. История русской литературы. Архив М. Горького / под общ. ред. академика Луппола. – М. : Гослитиздат, 1939. – Т. 1. – 340 с.
4. Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута // Соч. : в 2 т. – СПб. : Изд. ред. журн. «Русское богатство», типолитогр. Б.М. Вольфа, 1900. – Т. 1. – 504 с.
5. Овсяннико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции : в 2 ч. // Собр. соч. : в 13 т. – СПб. : Обществ. польза, 1912–1914. – Т. 8, ч. 2 : От 50-х до 80-х годов. – 256 с.
6. Плеханов Г.В. Литература и эстетика : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1958. – Т. 1. – 616 с.
7. Ткачев В.С. Идеалы русской интеллигенции. Сравнительный анализ общественной мысли России XVIII – нач. XX веков. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. – 232 с.

Информация об авторах

Ткачев Валерий Сыроевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: vl201548@yandex.ru.

Суранова Елена Михайловна – аспирант, кафедра философии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: dmitrieva-l@mail.ru.

Authors

Tkachev Valeryi Sysoevich – Ph. D., professor, Philosophy Department, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk; e-mail: vl201548@yandex.ru.

Suranova Elena Mihailovna – PG student, Philosophy Department, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk; e-mail: dmitrieva-l@mail.ru.